

Мяо Юэ в сотый раз написала Цзин Пину:

□Нож у сестры очень острый: Ну как, ну как? Вышел?!□

Цзин Пин сохранил достоинство дворецкого с годовым окладом в десять миллионов юаней:

□Самый идеальный дворецкий в мире: Нет, старшая госпожа□

Мяо Юэ несколько раз гостила в резиденции семьи Линь и тоже была знакома с Цзин Пином. Узнав, что сегодня вечером Линь Ханьчжи приведёт Ци Гу домой, она тут же придумала несколько маленьких планов, чтобы подтолкнуть их отношения и заставить двоих чаще общаться.

Поэтому она злонамеренно велела Цзин Пину заменить все средства для мытья на такие, где надписи были сделаны на языке настолько редком, что во всей стране Хуа его знали считанные люди, и специально не приклеивать китайские подписи. Она надеялась, что Ци Гу сам пойдёт к Линь Ханьчжи за помощью и получит дополнительный повод пообщаться.

Но люди Цзин Пина долго караулили внизу и больше не увидели Ци Гу. Наоборот, свет в его комнате стал тусклее, будто тот уже собирался спать.

Подумав, Цзин Пин написал Мяо Юэ:

□Самый идеальный дворецкий в мире: Старшая госпожа, похоже, господин Ци уже готовится ко сну□

Мяо Юэ сердито ответила:

□Вот же! Мой план был безупречен. Неужели он правда знает этот редкий язык? Ладно, тогда и ты пораньше отдыхай! (красный конверт)□

Вот это уровень.

Вот это просто невероятный уровень.

Мяо Юэ подумала: Ци Гу настолько крут, как Линь Ханьчжи вообще может быть его достоин?!

Сам Линь Ханьчжи бесполезный, за человеком ухаживать не умеет. Значит, ей, этому придворному внуху, придётся придумать ещё больше способов помочь!

Она стремительно нашла своё призвание на этой дороге.

*

Линь Ханьчжи услышал, как Ци Гу закрыл дверь. Подождал несколько секунд и, не услышав больше никаких звуков, вышел из комнаты, спустился вниз и пришёл на первый этаж собственного небольшого дома.

Первый этаж занимал поминальный зал.

Внутри стояли таблички, расставленные по возрасту и старшинству. Все надписи были выполнены одним почерком. До работы знаменитого мастера каллиграфии им было далеко — даже красивыми их назвать было трудно.

Это маленький Линь Ханьчжи когда-то сидел с каждой табличкой на коленях и собственными руками вырезал имя за именем, иероглиф за иероглифом.

Ребёнок вырезал их день и ночь, пока резец не исколол руки до крови, разрывая плоть. Поэтому даже сейчас, если внимательно посмотреть на светлые кончики его пальцев, можно было заметить мелкие шрамы.

Линь Ханьчжи вымыл руки, взял благовония, зажёл и уже собирался встать на колени, но колебание свечного пламени подсказало ему, что что-то не так.

Он отложил благовония и переставил две таблички, которые случайно поменяли местами.

Специально провёл пальцами по дереву. Спереди и сзади всё было идеально чисто, ни пылинки. Уборщик действительно старался.

Просто перепутал расположение.

Вполне понятно. Всё-таки сорок шесть человек, и почти все носили фамилию Линь. Для человека, который не знал их лично, перепутать таблички было проще простого.

Но Линь Ханьчжи помнил всех безошибочно.

Он мягко коснулся одной из них. На табличке было имя Линь Бао — мальчик из поколения его двоюродных племянников. Очень послушный и милый ребёнок, обычно робкий, зато рядом с Линь Ханьчжи становился оживлённым. Больше всего любил, когда тот гладил его по голове.

— Давно не виделись. Я вернулся, — тихо сказал Линь Ханьчжи.

Он почтительно поклонился с тремя зажжёнными палочками, источавшими сандаловый

аромат и тонкий дым, а затем вставил их в курильницу.

Он знал: ни благовония, ни сложенные из бумаги золотые и серебряные слитки им уже не помогут.

Потому что в момент смерти их души были полностью уничтожены. Они исчезли без остатка и не оставили ему вообще ничего.

Даже следующей жизни.

Эти таблички были лишь утешением, за которое он цеплялся в одиночку.

Мерцающий свет свечей ложился на прямой профиль Линь Ханьчжи, словно бесчисленные руки старших родственников протягивались из табличек и ласково гладили его по щеке.

Линь Ханьчжи закрыл глаза и долго, неподвижно стоял на коленях перед поминальным залом.

Лишь затем медленно, шаг за шагом, поднялся вверх.

Ночь была уже глубокой. Поднимаясь, он машинально посмотрел на дверь и окна комнаты Ци Гу. Ни единого лучика света — видимо, тот уже уснул. Линь Ханьчжи прикрыл собственную дверь особенно тихо.

У входа в его комнату стояли два огромных шкафа, заполненных вещами из детства. Большинство подарила семья. Линь Ханьчжи очень ими дорожил и даже сейчас время от времени доставал, чтобы поддержать в руках или поиграть.

Когда-то у него была очень дружная семья.

Когда-то.

Линь Ханьчжи сел, скрестив ноги, на шерстяной ковёр, завёл музыкальную шкатулку с танцующим человечком, затем взял уменьшенную в точном масштабе модель автомобиля и немного покатал по полу. Только после этого он пошёл глубже в комнату.

Вещи были разложены по возрасту. Снаружи — детские, дальше — всё более взрослые. В основном награды за заслуги, почётные грамоты и другие подобные вещи. Там же хранились некоторые предметы, оставшиеся от товарищей, погибших в боях.

Глядя на них, Линь Ханьчжи постоянно чувствовал себя стариком в несколько сотен лет. Иначе почему каждая вещь заставляла вспоминать очередной кусок прошлого, а затем

позволять этим воспоминаниям снова разъедать плоть вокруг сердца?

Только старики так любят жить прошлым.

Он ещё немного посмотрел и отправился в ванную.

В одежде тело Линь Ханьчжи казалось особенно худым, но без неё открывались крепкие мышцы, широкие плечи и холодно-белая кожа, покрытая многочисленными шрамами. Он напоминал белую фарфоровую вазу-заготовку, которую мастер случайно повредил во время работы.

Снаружи стояло лето, не смолкали цикады, но Линь Ханьчжи принимал горячий душ.

Только жар воды вообще не задерживался на его теле: почти сразу остывал, а пар превращался в капли и собирался на красивой коже и лице.

Динь-дон.

Звонок в дверь весело прозвучал один раз.

Неужели Цзин Пину что-то понадобилось?

Линь Ханьчжи быстрее вытер волосы, накинул халат и, завязывая пояс на ходу, направился к двери.

Открыл — и замер, увидев Ци Гу в таком же халате.

— Что случилось?

— Хочу одолжить одежду. Боюсь, если приду завтра утром, разбужу тебя, — объяснил Ци Гу. — Я уже звонил один раз, но тебя не было. А сейчас услышал шум на переходе и пришёл снова.

В выражении Линь Ханьчжи на мгновение мелькнула неестественность, но он сразу отступил в сторону:

— Все шкафы с одеждой там. Выбирай, что нравится.

— Спасибо.

Одежды у Линь Ханьчжи было много — она занимала несколько шкафов. Ци Гу машинально

подошёл к крайнему правому, открыл и увидел, что тот битком набит длинными брюками и одеждой с длинным рукавом.

— А летняя одежда где?

— Ты на неё смотришь, — ответил Линь Ханьчжи. — Я же постоянно мёрзну.

Ци Гу решил, что носить длинные рукава и брюки в разгар лета — это всё-таки слишком серьёзное испытание для его теплоотдачи.

— А что-нибудь попрохладнее есть?

Линь Ханьчжи поднял взгляд, вспоминая:

— Иди левее.

Ци Гу последовал указанию, открыл другой шкаф и действительно увидел несколько простых футболок и шорт. Причём размер выглядел подходящим.

— Это старая одежда, которую я носил в пятнадцать. Тебе должна подойти, — сказал Линь Ханьчжи.

Ци Гу:

— ...Сколько лет?

— Ты в пятнадцать уже был метр семьдесят шесть? — явно не поверил он.

— Сейчас я метр восемьдесят шесть, — честно ответил Линь Ханьчжи.

— Что?

Ци Гу решил, что это уже натуральное запугивание. Не может Линь Ханьчжи быть настолько выше него!

Его собственный рост на юге страны считался вполне приличным.

Ци Гу тут же подошёл почти вплотную к Линь Ханьчжи и остановился. Выпрямился. И обнаружил, что при прямом взгляде его глаза находятся как раз напротив красивых, но почти бескровных губ Линь Ханьчжи.

Нет... Он и правда настолько выше?

Обычно рядом с Ци Гу Линь Ханьчжи всегда изображал бескостного человека: постоянно прижимался, выглядел слабым. Поэтому даже после того, как днём Ци Гу было неудобно класть руку ему на плечо, он не подумал, что разница настолько велика.

А теперь выходило: Линь Ханьчжи выше него на целых десять сантиметров!

— Угу. Если не веришь, можешь измерить рулеткой.

Линь Ханьчжи слегка опустил голову. Егодвигающиеся губы становились всё ближе к глазам Ци Гу — со стороны могло показаться, будто он вот-вот поцелует его.

Ци Гу отступил на шаг:

— Не нужно.

Он быстро вернулся к шкафу и наугад взял футболку и шорты — самые простые базовые модели.

Линь Ханьчжи спросил:

— А аксессуары не нужны?

В одежде Ци Гу был типичным прямолинейным мужчиной: носил самые простые вещи и уж точно не возился с аксессуарами.

Линь Ханьчжи был полной противоположностью. Каждый его образ выглядел так изысканно, будто он мог сразу отправляться на съёмку модного журнала.

— У тебя ещё и аксессуары есть? — искренне удивился Ци Гу.

Линь Ханьчжи подошёл, выдвинул несколько ящиков шкафа. Внутри ровными рядами лежали дорогие часы, броши, запонки и другие украшения, сверкавшие под светом комнаты так, словно каждое кричало: «Я неприлично дорогое, тебе меня не потянуть».

Ци Гу поспешно отказался:

— Спасибо, не надо.

Каждая вещь здесь выглядела так, будто стоила дороже его жизни.

Он добавил:

— В мире и правда нет красоты, которая даётся бесплатно. Ты, наверное, каждый день тратишь уйму времени, чтобы подобрать одежду?

— Не особо. У меня три стилиста. Они заранее объясняют, как носить каждый комплект, где подвернуть рукава, к чему подобрать мелкие украшения. Мне остаётся только решить, какой комплект выбрать.

Ци Гу наконец улыбнулся:

— ...

Его рассмешила собственная бедность.

Он вежливо отказался выбрать украшение, взял одежду и попрощался.

Линь Ханьчжи смотрел, как Ци Гу идёт через освещённый фонарями переход. Внутри стало легче, но одновременно появилось смутное разочарование.

Он понял, что в глубине души немного хотел, чтобы Ци Гу всё-таки обнаружил, куда он только что ходил.

Он был похож на человека, отчаявшегося и беспомощного, погрязшего в трясине. Болото уже проглотило большую часть тела. Ему почти перестало хотеться жить. Порой он даже думал, что смерть — не так уж плохо: жить слишком хлопотно, слишком больно.

Сколько же в жизни проблем.

Но именно тогда в темноте кто-то прошёл по краю болота с яркой лампой в руке. Казалось, стоит этому человеку обернуться — и он увидит его.

Но сам Линь Ханьчжи не хотел звать на помощь.

Он лишь ждал, заметят ли его.

Хотел поставить всё на то, захочет ли тот человек обернуться и протянуть руку.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949054>